

Нет автора

Русская старина

1907. 7_9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1907. 7_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 681 с.

ISBN 978-5-458-02883-7

ISBN 978-5-458-02883-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

И

Историческая библиотека.

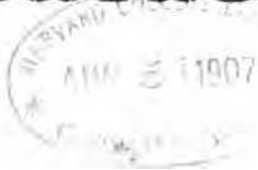
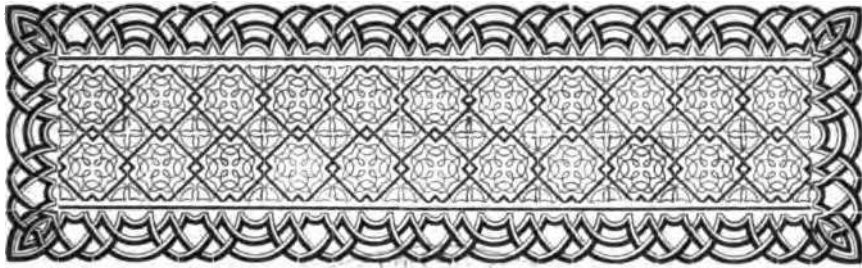
До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появившихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣ замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ готовится къ печати соч. Луи Блана—Исторія французской революціи; Дебидура—Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 г. до Берлинскаго 1878 г.; Альберъ Сорель—Европа и французская революція и др.

Сочиненіе Л. Блана начнетъ выходить съ іюня мѣсяца; объемъ каждого тома будетъ въ 30 листовъ формата „Русской Старины“ (480 страницъ). Цѣна 3 р. за томъ; съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики журнала „Русская Старина“ пользуются уступкою: подписавшіеся на Историческую библиотеку при подпискѣ вносятъ за первые два тома, вмѣсто 6 р., пять, а остальная сумма уплачивается по 2 р. 50 к. впередъ за каждый послѣдующій томъ; послѣдній же томъ высылается бесплатно.

1 ноября 1907 г. льготная подписка прекращается и цѣна наждаго тома будетъ 3 р. и 3 р. 50 съ пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Русская Старина“, Фонтанка, 145.

Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ и его роль во франко-русскомъ сближеніи

въ воспоминаніяхъ Ю. Ганзена ¹⁾).

1884 — 1898.

(Окончаніе).

V.

Арестъ русскихъ революціонеровъ во Франціи.—Посѣщеніе Кронштадта французской эскадрой.—Заключеніе союзнаго договора.—Впечатлѣніе, произведенное этими событіями въ Европѣ.—Привѣтственныя рѣчи.—Роль Ю. Ганзена въ переговорахъ.

22 февраля 1889 г. Флоке уступилъ мѣсто Тирару, сформировавшему новый кабинетъ; при немъ отношеніе императора Александра къ Франціи было по-прежнему дружественное. По этому поводу одно лицо, весьма близко освѣдомленное о настроеніи императора, писало Ганзену 17 сентября 1889 г. изъ Фреденсборга:

„Впечатлѣніе остается по-прежнему благоприятное. До тѣхъ поръ пока во Франціи будетъ существовать тотъ же режимъ, чувства искренней симпатіи останутся къ ней неизмѣнны въ будущемъ, также какъ и въ прошломъ. Здѣсь хорошо понимаютъ взаимное положеніе обѣихъ странъ, поэтому нельзя допустить, чтобы измѣнили отношеніе, дабы доставить удовольствіе нашимъ общимъ врагамъ“.

Спюллеръ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ вполне освѣдомленъ о томъ, какія услуги оказывалъ русскому военному вѣдомству его сотоварищъ Фрейсине, но нѣкоторымъ газе-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

тамъ доставляло особенное удовольствіе изображать Спюллера врагомъ барона Моренгейма; въ исходѣ 1889 г. они всячески старались посорить ихъ, но это имъ не удавалось и въ газетахъ появилась въ это время слѣдующая замѣтка, написанная несомнѣнно по инициативѣ русскаго посланника.

„Съ недавнихъ поръ нѣкоторыя парижскія газеты стараются распространять слухи о „недоразумѣніяхъ“, яко бы происходящихъ между Спюллеромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, и посланникомъ одной изъ великихъ державъ, аккредитованномъ при французской республикѣ. Но старанія черезчуръ равностныхъ газетъ не поведутъ ни къ чему, такъ какъ распространяемые ими слухи лишены всякаго основанія и слова, которыя онѣ передаютъ, никѣмъ произнесены не были“.

Мартъ мѣсяць 1890 г. ознаменовался для Франціи двумя важными событіями, которыя имѣли огромное вліяніе на обще-европейскую политику и главнымъ образомъ на отношенія Франціи къ Германіи. 17 марта былъ сформированъ кабинетъ Фрейсине, въ которомъ портфель иностранныхъ дѣлъ перешелъ къ Рибо; а на слѣдующій день пришло извѣстіе объ увольненіи въ отставку Бисмарка,—извѣстіе вызвавшее въ Европѣ чувство большого облегченія. Во Франціи всѣ радовались наступленію новой эры и концу той вѣчной тревоги, въ которой ее держала политика Бисмарка. Наконецъ-то Франціи не приходилось болѣе опасаться со стороны германскаго канцлера противодѣйствія къ осуществленію франко-русскаго союза; это значительно облегчало задачу французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сближенію петербургскаго и французскаго правительствъ не мало способствовало также одно обстоятельство, случившееся въ исходѣ мая мѣсяца 1890 г.: французскими властями были арестованы русскіе революціонеры, которые намѣревались произвести рядъ покушеній въ Россіи съ бомбами, изготовленными въ Парижѣ.

Русское правительство было извѣщено своими агентами о намѣреніяхъ революціонеровъ, и въ совѣтѣ министровъ было рѣшено, что баронъ Моренгеймъ долженъ потребовать отъ французскаго правительства, чтобы эти лица были арестованы по списку и указанію, которые будутъ даны ему русскимъ посольствомъ. Вслѣдъ за свиданіемъ барона Моренгейма съ Констаномъ, французскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній отдалъ начальнику охранной полиціи приказаніе приготовить арестъ этихъ революціонеровъ. Но это было выполнено лишь послѣ совѣщанія между барономъ Моренгеймомъ, Фрейсине и Рибо.

29 мая 1890 г., около полуночи, человекъ двѣнадцать револю-

ціонеровъ были арестованы, заключены въ тюрьму, а ихъ бумаги захвачены, послѣ тщательно произведеннаго обыска. Это былъ шагъ огромной важности, такъ какъ французское правительство знало, что онъ долженъ былъ вызвать неудовольствіе радикальной партіи, относившейся всегда неодобрительно къ репрессивнымъ мѣрамъ, принимаемымъ противъ революціонеровъ. Въ Петербургѣ этотъ фактъ вызвалъ большое удовлетвореніе въ правительственныхъ кругахъ, которые видѣли въ немъ серьезное доказательство дружескихъ чувствъ со стороны французскаго правительства. Александръ III повелѣлъ выразить официальную признательность французскому правительству и „все даетъ поводъ думать“, говоритъ Ганзенъ, „что послѣ этого императоръ рѣшилъ окончательно заключить союзъ, подготовлявшійся съ обѣихъ сторонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ о посѣщеніи Кронштадта французской эскадрой. Французскій посланникъ въ Петербургѣ, Лабуаэ, былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Были начаты переговоры, и въ результатъ посланникъ сообщилъ своему правительству, что „царь изъявилъ согласіе принять французскую эскадру въ концѣ іюля 1891 г.“.

25 іюля французская эскадра, подъ командою адмирала Жерве, вошла на кронштадскій рейдъ, гдѣ ее посѣтилъ Александръ III съ императрицей и всей царской фамиліей. Это незабвенное событіе произвело огромное впечатлѣніе какъ во Франціи, такъ и въ Россіи и во всей Европѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія, одно лицо писало 27 іюля 1891 г. Ганзену изъ Петербурга:

„Я присутствовалъ эти дни на трогательномъ и грандіозномъ зрѣлищѣ, которое совершенно не согласуется съ нравами и темпераментомъ русской публики, относящейся обыкновенно весьма холодно и безучастно къ тому, что трогаетъ и волнуетъ народъ въ иныхъ странахъ. Я видѣлъ, какъ тысячи петербуржцевъ, которые обыкновенно съ трудомъ отрѣшаются отъ своихъ нѣсколько автоматическихъ привычекъ, вставъ, разъ въ жизни, въ то время когда они обыкновенно ложатся спать, устремились съ ранняго утра на пароходы всевозможныхъ размѣровъ, чтобы отправиться навстрѣчу французской эскадрѣ; и затѣмъ, съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ привѣтствовали французскую эскадру при ея входѣ на великолѣпный кронштадтскій рейдъ.“

„Я видѣлъ, какъ наши бюрократы стряхнули съ себя обычную сдержанность и встрѣтили французскихъ моряковъ какъ старыхъ товарищей; я слышалъ, какъ наши офицеры затянули хоромъ, на одномъ общественномъ собраніи, марсельезу, тогда какъ до сихъ

поръ они едва рѣшались произнести это слово. Я видѣлъ, какъ сама царская фамилія слушала марсельезу, исполненную вслѣдъ за русскимъ гимномъ, стоя съ непокрытой головою. Я видѣлъ, какъ огромная толпа „настоящаго“ народа неистово привѣтствовала двѣсти французскихъ моряковъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ на концертъ знаменитаго хора Славянскаго и на Марсовомъ полѣ; энтузіазмъ публики шелъ все crescendo“.

Это событіе было только внѣшнимъ проявленіемъ весьма важныхъ рѣшеній, принятыхъ въ то время петербургскимъ и парижскимъ правительствами. Вслѣдъ за переговорами, начатыми нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Фрейсине и Рибо со стороны Франціи и барономъ Моренгеймомъ со стороны Россіи, Лабулэ обмѣнялся съ Гирсомъ мыслями о своевременности заключенія союза. Императоръ Александръ III, уважавшій Лабулэ, былъ не прочь заключить этотъ союзъ. Въ началѣ августа 1891 г., онъ вызвалъ въ Петербургъ Моренгейма для редактированія союзнаго договора. 12 августа, баронъ Моренгеймъ, получилъ отъ Гирса телеграмму, приглашавшую его, по повелѣнію царя, немедленно прибыть въ Петербургъ. Пріѣхавъ 16 августа, онъ былъ посвященъ Гирсомъ во всѣ подробности дѣла и день спустя получилъ аудіенцію у императора, который одобрилъ редакцію союзнаго договора и разрѣшилъ отвезти этотъ актъ въ Парижъ.

22 августа 1891 г. Моренгеймъ былъ принятъ въ Парижѣ Рибо, и ими былъ подписанъ договоръ, коимъ Россія и Франція обязались поддерживать другъ друга въ случаѣ нападенія извнѣ; такимъ образомъ, Франція и Россія вышли изъ своего одиночества.

Хотя самый фактъ заключенія договора долго держался въ тайнѣ, но торжественная встрѣча, оказанная французской эскадрѣ въ Кронштадтѣ, и послѣдовавшая затѣмъ поѣздка въ Петербургъ барона Моренгейма произвели въ Европѣ огромное впечатлѣніе; это историческое событіе обсуждалось на всѣ лады въ канцеляріяхъ и въ дипломатическихъ кругахъ. Бисмаркъ, уже бывшій въ отставкѣ, также вставилъ свое слово и увѣрялъ, что все это было не болѣе какъ „флиртъ“ между Россіей и Франціей. Заинтересованныя правительства держались стойко и ничѣмъ не удовлетворяли всеобщаго любопытства. Императоръ Александръ III выразилъ желаніе, чтобы условія союзнаго договора остались тайными, дабы не возбуждать подозрѣній державъ и въ частности Тройственнаго Союза, но во Франціи баронъ Моренгеймъ, Фрейсине и Рибо произнесли по поводу послѣднихъ событій официальные рѣчи, въ которыхъ, не говоря ничего опредѣленнаго, они намекали, однако, на великое значеніе этихъ событій. Моренгеймъ, вернувшись въ Cauterets, гдѣ онъ про-

водилъ лѣто, былъ предметомъ восторженныхъ овацій со стороны публики; отвѣчая, 31 августа 1891 г. на привѣтственную рѣчь депутата округа, маркиза де Бретейля, русскій посланникъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„Вамъ извѣстно, гг., что я отсутствовалъ нѣкоторое время изъ вашей среды. Но тѣ приготовления, которыя были сдѣланы вами для моей встрѣчи, даютъ мнѣ право думать, что я какъ бы присутствовалъ все это время невидимо среди васъ. Правду говорятъ, что разстояніе не всегда разъединяетъ людей; часто самая разлука можетъ, напротивъ, сблизить ихъ.

„Вы упомянули, г. префектъ, о томъ, что Россія и Франція охвачены изъ конца въ конецъ чувствомъ взаимной симпатіи и что вашъ департаментъ также пожелалъ выразить ее и, скажу смѣло, сдѣлалъ это горячо и единодушно. Не мало было причинъ, и при томъ самыхъ вѣскихъ, которыя могли вызвать эту симпатію; укажу лишь на одну изъ нихъ, повторивъ слова одного изъ вашихъ гениальныхъ писателей: „сердце руководствуется такими доводами, какихъ не знаетъ разумъ!“ и эти доводы, господа, весьма вѣски; благодаря имъ мы такъ прекрасно понимаемъ другъ друга.

„Мы можемъ быть въ этомъ увѣрены; ибо я вижу, что вами руководитъ одно общее чувство и, говоря словами г. префекта, вы составляете какъ бы одно сердце, я имѣлъ счастье убѣдиться въ этомъ по тому единодушію и тѣмъ восторженнымъ возгласамъ, какими вы привѣтствовали тостъ, предложенный за здоровье Е. И. Величества, Его августѣйшаго семейства и русскій народъ. Я вдвойнѣ признателенъ вамъ за это, господа, такъ какъ вы этимъ возложили на меня драгоцѣнное право и обязанность выпить за здоровье французскаго народа, его уважаемаго главы, доблестнаго президента республики и ея просвѣщеннаго правительства, которое руководитъ нынѣ судьбами вашей великой страны. Да будетъ ему дано долго, долго, выполнять свою благородную задачу“.

Нѣсколько дней спустя, 10 сентября, президентъ совѣта и военный министръ Фрейсине произнесъ замѣчательную рѣчь въ Вандеврѣ, гдѣ онъ далъ, по случаю большихъ маневровъ восточной арміи, завтракъ генераламъ и военно уполномоченнымъ. Особенно были отмѣчены слѣдующія мѣста его рѣчи, имѣвшія выдающееся значеніе:

„Будемъ непрестанно совершенствовать и усиливать нашу армію. господа, сказалъ онъ. Это одинъ изъ элементовъ, и при томъ не мало важный, нашего мірового вліянія. Арміи принадлежитъ своя доля въ событіяхъ, коими гордится вашъ патриотизмъ. Ея успѣхи, за которыми слѣдитъ Европа и коими восторгается Франція, внушаютъ од-

нимъ довѣріе, другимъ уваженіе: эти успѣхи свидѣлствуютъ, сверхъ того, о томъ, что правительство республики, несмотря на перемѣны въ личномъ составѣ, способно настойчиво преслѣдовать свои планы, что оно вноситъ въ осуществленіе національныхъ дѣлъ духъ послѣдовательности, не уступая въ этомъ ни одной монархіи. Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ томъ, что мы сильны; докажемъ, что мы мудры. Мы съумѣемъ сохранить въ новой обстановкѣ спокойствіе достоинство, и чувство мѣры, которыя въ дни печали подготовили наше возрожденіе“.

29 сентября, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Рибо, присутствуя на церемоніи открытія памятника генералу Федербу (Faidherbe), обрисовалъ въ слѣдующихъ словахъ новое положеніе вещей, о которомъ говорилъ Фрейсине:

„Европа, нѣкоторое время бывшая въ нерѣшительности, отдала намъ, наконецъ, справедливость; дальновидный и твердый въ своихъ намѣреніяхъ монархъ, столь же миролюбивый, какъ и мы, выразилъ открыто ту глубокую симпатію, которая связываетъ его страну съ нашей. (Рукоплесканія и восторженные клики: „Да здравствуетъ царь! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія!“ прервали оратора, который не могъ нѣсколько минутъ продолжать своей рѣчи). Русскій народъ присоединился къ своему монарху въ выраженіи къ намъ чувствъ искренней дружбы. (Ораторъ снова былъ прерванъ рукоплесканіями и кликами). Вамъ извѣстно, какую взаимность вызвали въ насъ эти чувства (восторженные возгласы: да, да!). Событіе, совершившееся въ Кронштадтѣ, нашло откликъ въ самомъ маленькомъ изъ нашихъ мѣстечекъ, въ самой маленькой изъ нашихъ деревушекъ.

„То, что справедливо по отношенію къ внутренней политикѣ, еще болѣе справедливо по отношенію къ внѣшней; результаты не являются самопроизвольно, они бывають слѣдствіемъ долгаго ряда усилій и, становясь очевидны, они вызываютъ удивленіе лишь въ томъ, кто не слѣдилъ внимательно за цѣлымъ рядомъ фактовъ, которые подготовили событія въ тишинѣ.

„Я говорю, г., не только о нынѣшнемъ министерствѣ, но обо всѣхъ министерствахъ, которыя смѣнялись одно за другимъ въ республикѣ за послѣднія двадцать лѣтъ. Всѣ они были вѣрны традиціи, всѣ содѣйствовали успѣху національнаго дѣла. Каковы бы ни были раньше наши внутреннія несогласія, наше нынѣшнее единеніе говоритъ о величій Франціи; наша единственная заслуга въ томъ, что мы явились продолжателями того, что было начато нашими предшественниками, и въ томъ, что мы поняли, что настало время воплотить ихъ мечты, согласовавшіяся съ желаніями страны.

„Это создало для насъ, какъ справедливо говорятъ, новое положеніе, но это не значитъ, что оно требуетъ новой политики. Тотъ путь, какимъ мы шли, былъ слишкомъ благопріятенъ для насъ, чтобы оставить его въ тотъ день, когда его выгоды становятся очевидны для всѣхъ, и когда мы начинаемъ пожинать его плоды“.

„Увѣжая изъ Caunterets, баронъ Моренгеймъ говорилъ мнѣ“, пишетъ Ю. Ганзенъ, „что добрая часть дѣла сдѣлана, но что оно еще не закончено. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поблагодарилъ меня за оказанныя ему полезныя и вполнѣ безкорыстныя услуги“.

О томъ въ чемъ именно состояли эти заслуги, Ганзенъ говоритъ слѣдующее:

„Имѣвъ честь познакомиться съ барономъ Моренгеймомъ въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, съ 1869 по 1882 г., я имѣлъ возможность узнать во время нашихъ частныхъ съ нимъ бесѣдъ его политическіе взгляды; мнѣ было извѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на Бисмарка и на государственныхъ людей, руководившихъ политикой въ Англіи. Я зналъ, что, не будучи поклонникомъ республиканскаго образа правленія, онъ тѣмъ не менѣе любилъ Францію, ея литературу и искусство. Я зналъ, что это былъ человекъ высоко образованный, желавшій и способный совершить великое политическое дѣло. Онъ былъ назначенъ въ Парижъ для того, чтобы содѣйствовать сближенію Франціи съ Россіей. Будучи, со своей стороны, убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза, я, весьма естественно, предложилъ Моренгейму, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, свое содѣйствіе въ предпринятомъ имъ дѣлѣ, какъ бы это содѣйствіе ни было скромно. Единственное условіе, поставленное мною, было не получать ни отъ него, ни отъ правительства никакого денежнаго вознагражденія.“

Мои близкія отношенія къ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ дали мнѣ возможность оказать услуги какъ посланнику, такъ и французскому правительству, сообщая тому и другому свѣдѣнія, которыя, не нося оффиціального характера, имѣли въ то же время всю цѣнность оффиціозныхъ сообщеній. Я оказалъ барону Моренгейму также нѣкоторыя услуги во французской прессѣ, гдѣ у меня были дружескія связи. Мнѣ удавалось не разъ устранять недоразумѣнія и препятствія, возникавшія весьма естественно между двумя великими державами, которыя стремились къ взаимному сближенію.

Но моя роль этимъ не ограничивалась. Положеніе барона Моренгейма было крайне щекотливое. Ему приходилось бороться противъ происковъ его политическихъ недруговъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, поэтому онъ зачастую не рѣшался брать на себя

иниціативу и отвѣтственность за нѣкоторые шаги, изъ опасенія, что они не встрѣтятъ одобренія императора.

Чтобы помочь ему въ этомъ случаѣ, я придумалъ посылать время отъ время донесенія непосредственно самому императору. Мнѣ было извѣстно, что барономъ Моренгеймомъ одобрялись дѣлаемые мною предложенія. Посланникъ оказывалъ мнѣ этимъ большое довѣріе; въ его положеніи весьма многіе не пожелали бы имѣть такого сотрудника, но Моренгеймъ былъ горячій патриотъ и для блага родины сѣумѣлъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ.

Для передачи этихъ донесеній императору нужно было имѣть посредника; я нашелъ такового въ лицѣ Рачковскаго, агента министерства внутреннихъ дѣлъ при иностранныхъ посольствахъ.

Съ нимъ я познакомился въ Парижѣ, въ русскомъ посольствѣ, и вскорѣ убѣдился, что онъ былъ такъ же какъ и я, сторонникомъ союза Россіи съ Франціей и такъ же былъ готовъ работать для этого. Онъ часто переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто; такъ напр. онъ всегда сопровождалъ императора Александра III во время его продолжительныхъ поѣздокъ въ Данію. Въ Фреденсборгѣ Рачковскій познакомился съ оберъ-гофмаршаломъ и личнымъ другомъ царя, княземъ Оболенскимъ, и снискалъ его довѣріе.

Зная это, я просилъ его взять на себя трудъ передавать мои секретныя донесенія Оболенскому, съ просьбою докладывать ихъ императору; въ послѣдствіи этимъ путемъ я часто сообщалъ Александру III желанія французскаго правительства. Такимъ образомъ Рачковскій оказалъ въ періодъ съ 1887 по 1896 г. видныя услуги.

Какъ примѣръ того приведу слѣдующее: видя, какъ во Франціи всѣ были удивлены тѣмъ, что президентъ республики и министры, специально вѣдавшіе дѣла съ Россіей, не получили отъ русскаго императора никакихъ знаковъ отличія, я послалъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 г., объ этомъ донесеніе, прося Рачковскаго передать его министру, для доклада государю. Александръ III одобрилъ сдѣланное представленіе и повелѣлъ Гирсу дать дѣлу дальнѣйшій ходъ; въ результатъ, нѣсколько времени спустя Карно, Фрейсине и Рибо получили знаки отличія: Карно—Андрея Первозваннаго, а Фрейсине и Рибо—Александра Невскаго.

Филиппъ Крозье, который былъ правою рукою Рибо во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Россіи, еще раньше получилъ русскій орденъ.

VI.

Мысль о необходимости заключить военную конвенцію.—Записка, составленная объ этомъ Ганзеномъ.—Вго поѣздка въ Данію.— Переговоры съ Гирсомъ.—Визитъ в. кн. Константина Константиновича президенту Карно.—Обстоятельства, замедлившія заключеніе конвенціи.—Нападки на Моренгейма.—Посѣщеніе Тулона русской эскадрой.—Казиміръ Перье и Гирсъ подписываютъ союзный договоръ.

Положеніе, создавшееся, благодаря сближенію Франціи съ Россіей, вызвало въ обѣихъ странахъ всеобщее удовольствіе. Всѣ были довольны тѣмъ, что внѣшняя безопасность, такъ долго внушавшая тревогу, была наконецъ обезпечена. Во Франціи повсемѣстно происходили радостныя патриотическія манифестаціи; барона Моренгейма и министровъ привѣтствовали, когда они проѣзжали по улицамъ Парижа или появлялись въ провинціи. Но нѣкоторые политическіе дѣятели, опасаясь за будущее, находили, что въ дополненіе къ союзному договору было необходимо заключить военную конвенцію, какъ это сдѣлано въ 1888 г. державами, заключившими тройственный союзъ. Особенно настаивалъ на этомъ Фрейсине, который во время своего долгаго управленія военнымъ министерствомъ старался создать связь между главными штабами русской и французской арміи. Такъ напр. переговоры, веденные имъ съ русскимъ военно-уполномоченнымъ въ Парижѣ, барономъ Фредериксомъ, привели къ тому, что онъ получилъ разрѣшеніе приготовить для Россіи полмилліона ружей на ружейномъ заводѣ Шательро. Онъ же разрѣшилъ русскимъ офицерамъ войти въ сношенія съ французскимъ главнымъ штабомъ для изученія способа перевозки и продовольствія войскъ и находился въ постоянной перепискѣ съ военнымъ министромъ генераломъ Ванновскимъ, также сторонникомъ тѣснаго союза между обѣими державами. Что касается военной конвенціи, то Фрейсине былъ извѣстенъ взглядъ императора Александра III, заявившаго, что онъ смотритъ на заключеніе этой конвенціи, какъ на дѣло, коимъ слѣдовало заняться самымъ внимательнымъ образомъ. Желая выяснитъ этотъ важный вопросъ, Фрейсине далъ мнѣ въ исходѣ августа 1891 г. порученіе въ Фреденсборгъ, гдѣ въ то время находился русскій императоръ.

Переговоривъ съ министромъ, я набросалъ памятную записку, которой и долженъ былъ руководствоваться при переговорахъ съ нѣкоторыми лицами, находившимися въ Даніи.

Въ этой запискѣ говорилось:

„Въ настоящее время всѣ настроены миролюбиво, но можно ли надѣяться, что это будетъ продолжаться всегда? Россія и Франція